

17. Collinge N. E. The laws of Indo-European. Amsterdam-Philadelphia, 1985.
18. Fischer S. Rethinking the Tobler-Mussafia Law: Data from Old Catalan // Diachronica, №2 (20). 2003. P. 259-288.
19. Le Tresor de la Langue Francaise informatise. <http://atilf.atilf.fr/>
20. Vicario F. Lezioni di linguistica friulana. Udine, 2005.

Наталья Юрьевна ТРЕТЬЯКОВА —
аспирант кафедры русского языка

УДК 811.511.25

КОММУНИКАТИВНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ МОЛЧАНИЯ НЕНЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ А. П. НЕРКАГИ «БЕЛЫЙ ЯГЕЛЬ»)

АННОТАЦИЯ. В статье приводится классификация коммуникативно-значимого молчания ненцев, отражающегося в повести А. Неркаги. Синкретизм общественного сознания, рефлексивность мышления, гиперсемиотичность, характерные для мироощущения северных народов, проявляются в молчании ненцев.

The research presents the classification of interpretations of reticence of the Nenec Tribe, with the accent on the communication aspect of silence, reflected in the work of Anna Nerkagi. Syncretism of social consciousness, reflexiveness of thoughts, hyper-semiotics, so characteristic for the inner sensations of the universe found in the northern nations, is manifested in the reticence of the Nenec.

Различные аспекты коммуникативно-значимого молчания становились предметом анализа в работах Л. А. Азнабаевой, Н. Д. Арутюновой, В. Н. Базылева, В. В. Богданова, С. В. Крестинского, Г. Г. Почепцова, И. А. Садыковой, Н. Д. Формановской и др. Так, В. В. Богданов считает, что существует «молчание для говорения и молчание вместо говорения» [1,8]. В. Н. Базылев отмечает, «молчание есть молчание о чем-то, молчание кого-то к кому-то» [2, 586-587].

Коммуникативная многозначность молчания как нулевого речевого акта объясняется ситуацией, определяющей тему и тональность общения, этикетными причинами или индивидуальными особенностями коммуникантов. И. А. Садыкова считает, что коммуникативно-значимое молчание может быть разных видов, в зависимости от потенциальной возможности/невозможности мотивированности поведения молчащего вербальным эквивалентом. Молчание, которое допускает вербальный эквивалент, И. А. Садыкова называет альтернативно-вербальным молчанием; молчание, «для которого нет эквивалентного вербального высказывания (например, нельзя предсказывать события ни в какой вербальной форме)», этноречевым запретом [3].

Е. С. Радионова выделяет конкретные прагматические значения молчания: молчание, порожденное размышлениями, и молчание, вызванное эмоциями (положительными, отрицательными, нейтральными) [4].

Данные классификации не противоречат друг другу, а взаимодополняют, поэтому в данном исследовании сделана попытка их объединения. Сложность в нашем случае заключается в том, что «северное» молчание предполагает и слушание, и размышление. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «человек молчит, когда думает (если он не думает вслух), но не тогда, когда слушает. Хотя в ряде языков молчание этимологически связано со слушанием...» [5, 111]. Именно таким и является ненецкое молчание, которое, несомненно, связано со слушанием.

«Молчащая» северная культура ненцев, загадочная и таинственная, находит свое отражение в повести А. П. Неркаги «Белый ягель» [6]. Одной из главных в этом произведении является тема молчания, коммуникативному значению которого и посвящена эта работа.

В повести А. П. Неркаги можно выделить следующие виды молчания.

1. Эквивалентное коммуникативно-значимое молчание (альтернативно-вербальное молчание).

Для этого вида молчания существует эквивалент вербального высказывания. Так, возможен ответ на вопросы: «Почему, зачем, с какой целью ты молчишь?» — «Я молчу, т. к. люблю тебя (я обижен, думаю и т. д.)». Молчание — контролируемое человеческое действие, поэтому причина равнозначна мотиву, «для глагола «молчать» естественно входить в каузальный контекст, сочетаясь с обстоятельствами причины-мотива: «молчать из страха/от смущения/в нерешительности/не зная, что сказать и т. п.» [5; 109].

В данной группе можно выделить молчание, вызванное эмоциями, чувствами (эмоционально-чувственное молчание); молчание, вызванное размышлениями, раздумьями, мыслями (задумчивое молчание).

а) Эмоционально-чувственное молчание — молчание, вызванное эмоциями, чувствами.

Учитывая существование разнообразных классификаций эмоций и чувств, их амбивалентность, отсутствие общепринятой единой теории, мы в своей работе, в отличие от Е. С. Радионовой, не будем разделять эмоции и чувства на положительные и отрицательные.

Особенностью коммуникативного общения ненцев можно назвать понимание и сочувствие к собеседнику. Понимание — умение, способность познать; сочувствие. Последнее связано с погружением в «мир чувств» другого человека, постижением его мыслей и переживаний, которое зависит от взаимоотношений между ними, неразрывно связано с культурой народа. Взаимопонимание между людьми возможно при наличии способности сочувствовать, сопереживать другим (сопереживать — совместно переживать), ставить себя на их место.

В «Толковом словаре русского языка. Современная версия» В. И. Даля: сочувствовать — чувствовать согласно, сообща, заодно; понимать, мыслить одинаково; склоняться к кому-либо по чувству, приязни, любви; сострадать [7].

Проявлением понимания и сочувствия ненцев, героев повести А. П. Неркаги, очень часто является молчание: при полном взаимопонимании слова оказываются ненужными, т. к. собеседники понимают друг друга без слов. Собеседник сочувствует партнеру по общению и считает должным промолчать, независимо от того, согласен он с ним или нет. Молчание данного типа допускает вербальный эквивалент — «молчу, т. к. все понимаю, сочувствую», что характерно для сложных жизненных ситуаций. Слова утешения используют русские, а ненцы, осуждающие многословие, стараются помочь попавшему в беду сочувствием и реальными делами.

Например, Пэтко, герой повести А. П. Неркаги, перед пустым капканом молодого и неопытного Алешки «*молча постоял ..., не решаясь покачать головой*» [6,39]. Старый ненец Пэтко молчит, не осуждает юного соседа, понимает, что Алешка вырос без отца и сейчас ему нужно помочь, но так, чтобы тот не догадался о его помощи, не обиделся.

Также полное взаимопонимание обуславливает молчание в следующей ситуации. Вану было не по силам написать письмо дочери друга, чтобы она, уехавшая 7 лет назад в поселок, вернулась и поддержала старого и одинокого отца. Вану удивился, заметив упряжку молодого соседа Алешки, который тоже

ехал в поселок, надеясь на возвращение любимой. Оба ненца везут Слово Илне, дочери Пэтко. Старик не спрашивает молодого соседа, куда и зачем тот едет: *«Утром, когда встретились в загоне для оленей, и, заметив, что Алешка связывает вместе четырех быков, Вану не задал вопроса: в какую он дорогу собрался»*; *«...груз на нарте — всего лишь слово о беде. И не нужно спрашивать у соседа (Алешки — Н. Т.), куда он едет»* [6; 43-44]. Правильно поступает Вану, решивший промолчать, ведь Алешка в тот момент сильно переживал и не хотел говорить. Оба героя понимают, что в данной ситуации не говорить, а действовать нужно, поэтому, приехав за помощью в «совет», — *«Алешке он (Вану — Н. Т.) не стал ничего объяснять и молча поднялся на крыльцо, на ходу поправляя пояс и складки малицы [8]»* [6; 53].

Похожее молчание и в следующей ситуации, у Вану лишь меняются собеседники: там был Алешка, здесь — Пэтко, отец Илне, похоронивший жену, не дождавшийся возвращения дочери. Пэтко думал о себе всю ночь, он переживал, ведь вынужден жить в чужом чуме, т. к. содержать свой чум старому и одинокому ненцу практически невозможно. Это понимает и его друг: *«Вану перестал спрашивать. Лучше молчать. Что ни спроси сейчас, все будет только больно и ему, и старику (Пэтко — Н. Т.)»* [6; 57].

Молчание-понимание ясно без слов, без слов понятно. Молчание близких людей всегда предполагает единение — молчание матери и ребенка (она понимает его, «слышит», чувствует), молчание влюбленных (важно просто быть рядом, порой достаточно взгляда, чтобы понять), молчание друзей, которые хорошо знают друг друга. Так, в повести описываются дружеские отношения Алешки и старика Пэтко (отца Илне, любимой девушки Алешки): *«без всякого слова они были родны друг другу»* [6; 93].

Молчание влюбленных для стороннего наблюдателя кажется загадочным, а иногда и странным, потому что влюбленные молчат, понимая друг друга без слов, берегут свои чувства молчанием: *«Илне весь день звала его (Алешку — Н. Т.), просто глазами, не говоря ничего... Он ждал от нее ответа. Она должна почувствовать это»*; *«Илне молча, не отрывая глаз, смотрела на парня, ... по глазам его она видела: он любит, и теперь больше, чем раньше. А за что? Почему?»*; *«Сердце болит непрерывно. Столько лет. Болит не по-мужски, задыхаясь в немолодой тоске. Ведь она тогда поняла, хотя он не сказал ни одного слова, не объяснил свое поведение»* [6; 66-69].

Согласно традиционному мировоззрению ненецкого народа, растения, животные, люди и духи — это создания единой Природы, которые находятся в постоянном взаимодействии (синкретизм общественного сознания). Для религиозной психологии ненцев характерно чувство зависимости от сверхъестественных сил, которое обусловило веру в соблюдение определенных норм и «правил ведения разговора с Природой». Этим объясняется молчание-понимание всего живого: *«Лицо и голос человека голодного не отличаются от морды и воя волка. Вот почему иногда, стоя над трупом растерзанного оленя, ненец лишь тяжело вздохнет и не пошлет хищнику вслед жестокого проклятия. Судьба-то одна у всего живого»* [6; 46].

В коммуникативной культуре ненцев понимание обычно подразумевает и уважение к собеседнику, его Слову. Из поколения в поколение передаются такие ненецкие традиции, как почтение и уважительное отношение к родителям, к старшим, к гостям...

«Почитать, чтить, душевно признавать чьи-либо достоинства; ценить высоко; честить достоинства; честить почетом, потчевать, принимая почетно» — такие значения глагола «уважать» представлены в «Толковом словаре русского языка. Современная версия» В. И. Даля [7; 665].

Уважение к чужому Слову, чужой жизни проявляется в молчании героев повести А. П. Неркаги «Белый ягель». Молчат ненцы, слушая Слово-исповедь старого ненца Сэротэтто Хасавы: *«Стая волков во время бурана напала на стадо Хасавы, зарезав за ночь десять оленей. Стадо прибежало к чуму и, не найдя там защиты, стремительно понеслось дальше. Жена Хасавы, в надежде остановить обезумевших оленей, выскочила в чем была и побежала за стадом... Снег уже укрыл ее, и только полы плохонькой ягушки [9] торчали из сугроба... Старики молча понюхали табачку и ни единым вздохом не нарушили своего молчания»; «Старики молчали: не всегда и не всякий поет свою жизнь — кому голоса не хватает, кому — силы, а спеть свою жизнь не пьяную песню исполнить...» [6; 76-79].*

Старый ненец не упрекает своего друга, Пэтко, когда тот произносит слова, которые не знала Земля ненцев: *«Я снял пояс и бросил на землю Имя свое. Человек без имени и огня — камень. А камень не имеет семени. У меня нет дочери. Я человек, живущий на нарте Времени»* [6, 59]. Вану не осудил старика-Пэтко, *«слова упрека не сорвались с его губ. Этому человеку он не мог сказать их»* [6; 60].

Алешка уважительно относится к старому ненцу Вану, поэтому на его вопрос, где будем искать жену, Алешка не ответил, промолчал: *«Протянул руку к табакерке соседа, взял небольшую щепоть, давая понять, что не нужно подталкивать его к слову. Он не раз видел, как старые ненцы делали то же самое, медля с ответом или выражая свое уважение к собеседнику. А человек, стоящий перед ним, стоил уважения...»* [6; 20].

Альтернативно-вербальное молчание предполагает мотивированность в вербальном эквиваленте, которая в примерах с молчанием, проявляющем уважение, будет выглядеть так — «молчу, потому что уважаю».

Интересно то, что причиной молчания у ненцев, героев повести, может быть и радость (ср. вербальное и невербальное проявление радостных эмоций в русской культуре). Вербальный эквивалент такого молчания — «молчу, т. к. рад».

Радость — веселье, услада, наслаждение, утеха, внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая; само событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства [7, 554].

Так, неожиданной радостью была для Хасавы встреча с уже взрослыми детьми: *«Приехали гости, такие неожиданные, дорогие, что Хасава не мог и слова сказать. Приехали дети, сын и дочь, жившие далеко от него...»* [6; 84].

Радость испытывает Хасава при встрече с гостем, Черным Волком, пока еще не зная истинной причины его визита: *«глазами мог сказать, что рад гостю»* [6; 77]. Это своеобразный молчаливый разговор, когда для выражения радости не нужны слова, достаточно взгляда. Жаль, что эта приветливая, на первый взгляд, встреча обернется страшным горем для старого ненца, о котором он будет помнить всю жизнь.

При несоответствии человека общественным или чьим-то личным нормам, правилам, ожиданиям, возникает такая эмоция, как стыд [10], проявлением которого зачастую является молчание. Так, внутреннее сознание предосудительного не позволило родителям поговорить с их дочерью Илне, когда та провела всю ночь с Алешкой: *«Ни о чем не спросили... не осмелились, застыдились мать с отцом»* [6, 13].

Страх, боязнь и гнев также проявляются в молчании героев повести. В найденных примерах молчит жена, так как осознает свою вину перед мужем и боится наказания: *«Увидев в руках мужа извечное орудие расправы, женщина молча повиновалась»; «Хитрейшим всепонимающим чутьем женщина поняла, что действительно, скажи она хоть пару слов, муж не посмотрит, что вокруг стола сидят люди. Ладно. Она помолчит... Сейчас, но только сей-*

час» [6, 59-62]. Жена понимает, что лучше промолчать, т. к. боится, что муж накажет ее за неуместный разговор и поведение. Молчит и разгневанный муж: *«Третий раз Вану не повторил своих слов. Он молча вышел на улицу... подошел к длинной нарте-сябу [11] и вытащил из-под нее крепкий моржовый постромок [12], сложил вдвое, намотал на кулак...»*; *«Не говоря ни слова, Вану вскочил и схватил женщину за косы, повернул ее к себе, не крикнул, а выдохнул...»* [6; 61-62]. Мотивированностью молчания жены является страх, боязнь, мотивированностью молчания и поведения мужа — гнев.

б) Молчание, вызванное размышлениями, раздумьями, мыслями, переживаниями, сомнениями.

Переживания, сомнения, принятие решения, сосредоточенность, концентрированность внимания и т. п. мотивируют молчание, выражающее задумчивость. Интересно, что в самом тексте повести «Белый ягель» был найден вербальный эквивалент, мотивирующий подобное молчание. Так, на вопрос матери, почему ты долго молчишь, Алешка отвечает: *«Молчу, потому что думаю»* [6; 107]. Подобное молчание встречается в тех случаях, когда собеседник знает, что сказать, но, оценивая ситуацию, настроение партнера, его расположение к общению, сомневается, можно и нужно ли доверять свои мысли этому человеку, поймет ли он? Такое молчание героев повести А. П. Неркаги объясняется особенностями коммуникативного поведения ненцев — недопустимостью прямой просьбы и прямого отказа. Собеседник должен понимать намерения адресанта, если же он не понимает их, то бессмысленно доверять этому человеку свое Слово, т. к. такой разговор не истину родит, а недоразумение. А чтобы понять собеседника, нужно подумать — оценить ситуацию, настроение собеседника, его желание общаться.

Так, молчат, оценивая ситуацию Пэтко, Алешка и его мать: *«Я не спал, я теперь часто не сплю, — промолчал (Пэтко — Н. Т.) опять, раздумывая, стоит ли говорить, но тут же отбросил сомнения»* [6; 94]; *«... Смогу ли объяснить, что не перестал ждать его дочери, хотя в моем чуме живет девушка, не ставшая женщиной. Я не взял ее и не возьму. Поверит ли? Не засмеется ли он, если я скажу об этом?» — размышлял Алешка, тоже глядя перед собой»* [6, 93]; *«Но сейчас мать, видимо, не хотела говорить впустую и поэтому, помолчав (подумав, стоит ли это говорить, сомневаясь — Н. Т.), добавила...»* [6, 18].

Молчит герой повести Пэтко, задумавшись, кому же будет принадлежать его подарок — дорогие суконные упряжи со старинными бубенцами: *«большие наголовные колокольца ездовых быков, как только Пэтко взял их в руки, ударили в малиновый звон, и люди невольно замерли. Так чудесны были звуки старинных украшений... Мгновение (Пэтко — Н. Т.) стоял молча, не зная, кому передать эту красоту»* [6; 99].

Перед Словом-исповедью молчит Хасава, переживает: *«Как сказать... Есть слова камня тяжелей и ножа больней. Давно я приехал, а молчу...»*; *«Хасава снова замолчал. Тяжела исповедь Души»* [6; 74-80].

Тяжелыми переживаниями, раздумьями вызвано молчание Хасавы, вынужденного забить оленей в первый раз для власти, и во второй раз — для детей своих, которые приехали к отцу не с поддержкой и добрым словом, а напоминанием об отцовском долге: *«Он говорил, а я думал... Он говорил, а мне было страшно... Как сказать ему, что лишней олень, если он и есть, дорог мне, как моя жизнь... О многом я думал, глядя перед собой... Мне было больно от своих мыслей, они давили мне горло, как петли...»* [6; 77-78];

— Дети, олени — это не деньги, — печально и тихо повторил Хасава. — Это... — и опять замолчал... Хасава поднялся, не глядя на детей, не сказав им ни да ни нет, вышел на улицу..., весь день убивал (оленей — «долг» детям — Н. Т.)» [6; 87-89].

От оленей зависит жизнь ненцев, поэтому они выращивают оленей, заботятся о них, охраняют от голодных волков: «*олень — корень жизни ненцев, его душа*» [6, 84]. Герой повести, Сэротэтто Хасава, «*каждого оленя знал «в лицо», слышал мысли Тонконового, знал, какую дорогу выдержит Старший сын. Догадывался, кто хитер — лямку не тянет, а просто делает вид. Знал каждому цену, но любил всех: и ленивых, и хитрых, и быстрых на ногу*» [6; 76]. Черный Волк, угрожал Хасаве ружьем, приказывая забить еще двадцать оленей. Молчал, тяжело переживал Хасава: «*Всю ночь я убивал... Рука моя часто дрожала... Я молчал, казалось, стоит открыть рот, и я закричу нехорошим звериным рыком*» [6; 78-79].

Когда, спустя годы, он будет рассказывать об этом случае, замолчит: горькая печаль и тяжесть на душе так и останутся: «*Надолго замолчал Хасава, вновь переживая тот страшный час...*» [6; 83].

Молчание, вызванное переживаниями, раздумьями характерно и для молодого ненца, Алешки, которого не радуется своя свадьба [13]. Его, 26-летнего, женили на той, которую он до свадьбы ни разу не видел, вообще не знал, он все ждал ту, единственную Илне, берег свои чувства для нее. Он думал о любви, о смысле жизни: «*Алешка молчал. Мать не удивила, не поразила его своей правдой, все было так, как она сказала. Да, это большая правда суровой, тяжелой жизни, в которой муж и жена связаны между собой, как пелей и передовой* [14]. *Один из них упадет, второй не потянет, и не пойдет вперед упряжка Жизни*» [6; 107];

«*Ожидать слова и самому говорить смешно и нелепо. Бессильная злоба вспыхивала в нем. Встать бы, перевернуть стол, разогнать почтенных старичков...*» [6; 16];

«*Алешка не ответил. Зачем эти слова?*» [6; 30];

«*Старики пришли. Алешка мрачно посмотрел на них, но не произнес ни слова. Взрослые казались ему упрямыми детьми, не понимающими важности игры, которую затеяли. Он молчал уже несколько дней. Слова самые громкие и самые тихие — все пустое. Ни одним нельзя, невозможно выразить любви. Слова — пыль. Если бы люди больше молчали, как хорошо и долго они любили бы. В молчании же есть особая нежность и страдание*» [6; 15].

Тяжелое молчание в повести «Белый ягель» характерно для ситуаций, когда есть необходимость облегчить свою душу, избавиться от переживаний, поведав о них в доверительном разговоре своему собеседнику: «*Слова жгли его. Их нужно было сказать, иначе они все сожгут внутри, и в душе останется один пепел... Есть особо тяжелое молчание. Оно подобно казни, которой люди добровольно себя подвергают, не понимая, что природа предоставила им прекрасную, а иногда и единственную возможность очистить и облегчить душу. Уходя из человека, слова уносят с собой яд тревоги, обид и сомнений, подобно тому, как ветер своей яростной силой выносит из леса мертвые листья, пыль, сухую пожухлую траву — все, что отжило, отцвело, отшумело. Не щадим, не бережем свои души и до отчаяния жаль, что перестали исповедоваться. А как хочется беспощадной исповеди, чтоб во всем признаться и, затихнув со слезами на глазах, ждать прощения, отпущения грехов*» [6, 93].

Иногда легче камни таскать, чем сказать слово... Разгоревшийся огонь вызвал в обоих (Алешке и Пэтко — Н. Т.) желание облегчить душу (начать разговор — Н. Т.)... (Пэтко — Н. Т.) сказал тихо, будто не было между ними истощающего молчания... [6; 94].

Не допив чашки, тяжело замолчал Вану. Слово, которое он хотел сказать сородичам, не выговаривается легко даже и выпившему человеку. Но ведь надо,

промолчи он сейчас, и все оставшиеся дни будет слышаться ему горький, вещий клич гагары и нечем будет заглушить его [6; 59].

Первые чашки выпили молча, но женщина знала, чем дольше молчишь, тем хуже... Эти слезы, молчание сына и вообще плохое молчание, которое всегда говорит, что в чуме неладно ... все отдалось в сердце женщины болью [6; 104-106].

Сравним переживания Алешки, думающего, что лучше молчать, не отдавать на суд людей свои мысли-тайны, сохранить их в своей душе: *«И потом... кто сказал, что человек живет без своей боли, без тайны души и святого места-уголка, куда не впускают и избранных. И почему он сейчас должен вырвать из себя дорогие мысли и чувства, свои, родные, и вырвутся-то они, наверно, с дикой болью и кровью. Зачем отдавать их на суд человеку?»* [6; 20].

Из рассмотренных нами вариантов «задумчивого» молчания чаще всего в повести А. П. Неркаги встречается молчание, вызванное переживаниями, которое имеет атрибутивные характеристики, содержащие оценку: «тяжелое» и «особо тяжелое», «истощное», «плохое», «неловкое». Тяжелое молчание в повести «Белый ягель» характерно для ситуаций, когда говорится о возможности облегчить свою душу, избавиться от переживаний, поведав о них в доверительном разговоре своему собеседнику.

Надо полагать, что «задумчивое» молчание собеседника предполагает как согласие, так и несогласие или равнодушие. Однако в тексте не встретилось молчание, подтверждающее формулу «Молчание — знак согласия». О сомнительности такого высказывания пишет Н. Д. Арутюнова: «Формулой «молчание — знак согласия» пользуются в прямой речи, напоминая адресату, что возражения следует эксплицитировать. Молчанием адресат может дать понять, что не будет препятствовать действиям говорящего, но не хочет нести за них ответственность. Молчание есть знак самоустранения, а не согласия...» [5; 110]. Собеседник может молчать, если негативно относится к словам партнера по общению, не согласен с ним, но не намерен говорить, и обдумывает сказанное. Заметим, чаще всего такое молчание — негативная реакция именно на слова, хотя возможна ситуация, в которой собеседник, негативно оценивая партнера по общению, будет молчать, не соглашаясь с любыми его словами. Это менее всего свойственно героям А. П. Неркаги: у ненцев считается, что слово может быть более действенным, чем само действие, и поэтому с ним необходимо обращаться очень осторожно. Так, можно говорить многое, но должно сказать только самое важное. Герои повести «Белый ягель» тщательно обдумывают свои слова и без особой надобности их не произносят, это обусловлено гиперсемиотичностью ненецкой культуры и уважительным отношением к Слову.

Альтернативно-вербальное молчание данной группы объясняется особенностями коммуникативного поведения ненцев — недопустимостью прямой просьбы и прямого отказа. Важно понимать своего собеседника (вспомним молчание-понимание, о котором говорили в эмоционально-чувственной группе), но если возникли какие-то сомнения, тогда нужно подумать, дабы понять настроение собеседника, оценить ситуацию.

Важно отметить переживание как одну из причин молчания персонажей А. П. Неркаги: отсутствует желание говорить, т. к. мысли не дают покоя (состояние, направленное на себя).

Кроме того, герои повести, ненцы, молчат, потому что оценивают ситуацию и собеседника — сможет ли он понять их Слово, подходящее ли время, ситуация... (состояние, направленное на объект). Это объясняется рефлексивностью мышления, она предполагает понимание собеседником намерений партнера по общению, и гиперсемиотичностью северных культур (о чем уже говорилось ранее), в нашем случае — ненецкой, которая обуславливает «экономия» слов и действий человека.

2. Безэквивалентное коммуникативно-значимое молчание.

Эта группа молчания отличается от первой отсутствием личностной мотивированности. Этноречевой запрет, сложившийся в силу исторических и культурных причин, во всех случаях может быть заменен всего лишь общей формулой — «так принято», без конкретизации. Почему нужно делать именно так? Что это значит? Почему так, а не по-другому? Ответом на эти и другие вопросы будет все та же формула — «так принято». В данном случае нужно говорить об общности языкового сознания, позволяющего ожидать и получать от собеседника «ожидаемое» в данной ситуации (рефлексивное мышление), что говорит о хорошем знании ритуала, в котором языковые клише выполняют контактоустанавливающую функцию. Для каждой ситуации характерен свой комплексный набор языковых клише, правил поведения, передающихся из поколения в поколение, которые позволяют точно определить намерения коммуникантов; необходимо со-вместное понимание, сознание, так как «неожидаемое» в речи или поведении нарушает привычный ход того или иного ритуала.

Этноречевой запрет на прямые и резкие формулировки намерений. Базовые компоненты данного этноречевого запрета — хозяин-гость.

Деловой разговор у самоедов [15] начинается после строгого соблюдения ритуальных традиций, что обусловлено определением намерений и позиций коммуникантов, поэтому «деловая» часть общения вербально сжата и в некоторых случаях позволяет обойтись без слов. Л. С. Филиппова отмечает, что речевое поведение гостя и хозяина, беседа в обществе относится к контактоустанавливающей (фатической) функции речи. Часто употребляемые с этой целью слова являются разного рода формулами, трафаретными выражениями. В подобных речевых контактах проявляется сильное влияние культуры народа на язык [16]. Если гость пришел по делу — сообщить или узнать что-либо, то разговор об этом заходит не сразу, а через некоторое время после чаепития, проведенного в молчании. Так, в повести А. П. Неркаги «Белый ягель» Вану и Хасава, приехавший из другого (!) стойбища за помощью и поддержкой, при встрече обменялись парой фраз, связанных с ритуалом встречи и замолчали:

— *Здравствуй. Как дорога? — спросил Вану.*

Приезжий кашлянул простуженно и положил на снег хорей [17].

— *Снег мокрый, еле добрался. Можно оленей отпрячь?*

— Конечно, конечно.

Больше не говорили. Хасава стал отпрягать упряжку. Вану молча помогал ему и думал: «Этот человек жил во многих стойбищах, как сирота, напуганный холодом и голодом, жался к людям сильным, зажиточным, которые никогда не запрягут оленей в аргиши [18]... Видимо, сильно хотел сюда ехать, если на глазах всей тундры привел свои жалкие аргиши»... Хасава пил чай молча... Вану не торопил гостя, чувствуя, что неспроста приехал Хасава именно в его стойбище. Он знал, ненец очень редко просит помощи у другого — во всем надо полагаться только на себя. Советы, как жить, обижали иных сильнее, чем удар [6, 70-71].

Этноречевой запрет на межвозрастную интеграцию. Базовым компонентом этого этноречевого запрета является возрастной статус. Специфика коммуникативного поведения проявляется в общении между разными поколениями — старый ненец редко разговаривает с молодым: их разговор может привести к взаимному непониманию и разногласиям: «Старые люди не шутят со словом... Есть что-то привлекательное, непостижимое для молодого ума в разговорах старых людей, как в шелесте листьев... Совсем редко начинает говорить старый человек с молодым, считая, что малое дерево зелено да глупо» [6; 53, 73, 94].

Этноречевой запрет должного поведения женщины: «...она (мать Алешки — Н. Т.) выскользнула на улицу и, боясь, что сын услышит, побежала в

соседний чум. Нужно позвать людей к (свадебному — Н. Т.) столу... Опустившись у порога на край досок-полов, немного помолчав, как прилично женщины, она попросила: «Пойдемте, посадим их (молодых — Н. Т.)...» [6; 15].

Кроме рассмотренных выше этноречевых запретов, было найдено молчание-просьба, обращение к Хозяину дороги. Узнаем мы об этом молчании из детских воспоминаний Вану: «... отец берег силу, много не говорил. Мать молча сунула ему в руку мешок с чем-то. Видимо, на это он и должен купить хлеба». Его отправили за хлебом в соседний поселок, идти до которого Вану пришлось больше трех дней. Он встречал на своем нелегком пути умерших: «Так шли люди по этой самой дороге, желая спасти своих детей и огни». Горькая правда, тяжелая жизненная ситуация рождает молчание провожающих сына родителей, которые знали, что путь его будет нелегким. Позднее из текста узнаем, что это молчание — «...не ритуал проводов шедшего в дорогу. Старик и старуха просили милости у Хозяина дороги для него (для Вану — Н. Т.)» [6; 48-50]. Это молчание не есть традиционный ненецкий ритуал проводов идущего в дорогу, но является одним из вариантов этноречевого запрета.

Рассматривая коммуникативно-значимое молчание, не допускающее вербальный эквивалент, отметим, что соблюдение принятых правил этноречевого запрета, табу, существующих внутри социальной (этнической) группы, обязательно для всех членов социума. Индивидуальное поведение, нарушающее эти правила, ведет за собой общественное порицание.

Ненцы всегда думают о своем собеседнике и оценивают ситуацию, готовность собеседника выслушать и принять речь. Употребление косвенных выражений, клише, имеет своей целью избежать прямых и резких формулировок своих намерений по отношению к адресату, своих ожиданий от него. В статье «Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия» О. Б. Христофорова очень точно характеризует языковое клише «у меня есть Слово». Так, исследователь отмечает, что данное клише содержит просьбу выслушать. Адресат на эту просьбу должен произнести отзыв: «какое слово, говори». Пока адресат не произнес «отзыв», само «Слово» не может быть высказано [19; 108]. Языковые клише выполняют контактоустанавливающую функцию, необходимы для понимания намерений собеседника.

В повести были найдены примеры, в которых встречаются одновременно оба вида молчания (коммуникативно-значимое молчание, эквивалентом которого потенциально может быть вербальное высказывание и коммуникативно-значимое молчание, для которого нет эквивалентного вербального высказывания). Так, в следующем примере гости молчат, так как переживают, думают, сомневаются; молчание хозяина объясняется простой формулой — «так принято», он не должен торопить гостей: «Молчали гости, молчал и хозяин, но молчать можно в тундре, когда ты один...» [6; 75]. В этом примере «задумчивое», «тяжелое» молчание-переживание, от которого надо избавиться, начав разговор, и этноречевой запрет на прямые и резкие формулировки намерений (хозяин-гость).

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что рефлексивность мышления героев повести А. П. Неркаги проявляется как в коммуникативно-значимом молчании, допускающем вербальный эквивалент, так и в коммуникативно-значимом молчании, не допускающем вербальный эквивалент. Гиперсемиотичность северной культуры ненцев обуславливает «экономия» слов и действий. Общность языкового сознания ненцев позволяет точно определять намеренности коммуниканта.

В произведении А. П. Неркаги «Белый ягель», повествующем о жизни и быте ненцев, отражается ментальная картина мира ненецкого народа, одной из важных коммуникативных особенностей которой является многозначное «говорящее» молчание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
2. Базылев В. Н. Молчание как феномен культуры и коммуникации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. М., 2005.
3. Садыкова И. А. Этнокультурные традиции в речевом поведении личности (На материале этноречевых запретов) // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых. Казань, 2003. С. 67-73.
4. Радионова Е. С. Семантика и прагматика молчания // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. науч. конференции. Омск, 2000. Ч. 1. С. 179-182.
5. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
6. Неркаги А. Белый ягель // Неркаги А. Молчащий. Тюмень: СофтДизайн, 1996.
7. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2006.
8. Малица — мужская зимняя верхняя одежда
9. Ягушка — верхняя женская одежда без капюшона.
10. Izard, C. E. (1977). Human Emotions. New York: Plenum Press. Пер. Изард К. Е. Эмоции человека М. 1980.
11. Нарта-сябу служит для перевозки досок чума и женской обуви (ср. юхуна нарта, служащая для перевозки постели и одежды, которую носят в чуме, пи' хан (пикан) нарта для перевозки дров, нгамзи' хан (нгамзикан) нарта для перевозки мяса и др.).
12. Постромки — часть упряжи, пара ремней или прочных веревок.
13. Известно, что у ненцев день создания новой семьи, свадьба, — большой День радости (как и рождение ребенка, приезд желанных гостей).
14. Пелейна — это оленья уздечка; передовой — вожак — животное, идущее впереди стада, указывающее ему дорогу.
15. Устаревшее название ненцев у русских — самоеды и юраки. Первое название было распространено на Европейском и Обском Севере, второе — на Енисейском. До XIX в. первое название, звучавшее как «самоядь», «самоди» распространилась также на энцев и нганасанов.
16. Филиппова Л. С. Отражение некоторых особенностей функционирования языка в произведениях о Тюменском Севере // Вестн. Тюм. ГУ. 2000. №4. С. 8-19.
17. Хорей — длинный шест, которым погоняют оленей.
18. Аргиш — караван оленьих упряжек.
19. Христофорова О. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия // Язык и этнический конфликт М., 2001.

*Людмила Анатольевна ШАРИКОВА —
доцент кафедры немецкой филологии
Кемеровского государственного университета,
кандидат филологических наук*

УДК 801.7

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА КАК ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются особенности концептуализации мира на примере микроконцепта МИР-Жизнь в нормативном немецком дискурсе.

In this article any peculiarities of the world conceptualization are analysed on example of microconcept WORLD-Life in the standard german discourse.

В научной литературе сегодня особо актуальным считается комплекс проблем, связанных с изучением психофизических и метафизических процессов, структурирующих деятельность сознания человека и объективацию сознания раз-